

ского словаря о российских писателях». Но как бы Кантемир ни осознавал свое новаторство на фоне этой традиции, и как бы он ни объяснял свой стиль в примечаниях — он не был услышан.

Вторая причина более объективного характера, и здесь он был бессилён. Создавая новый поэтический язык, Кантемир стремился отделить его от «обыкновенного простого слога», т. е. языка литературного. Но все дело в том, что литературного общепринятого языка еще не было,²² а церковнославянский стремительно утрачивал эту функцию, что и ощущал Кантемир. Как раз на первые десятилетия XVIII в. приходятся поиски основы литературного языка, завершившиеся в конце концов в трудах М. В. Ломоносова. Но с точки зрения теории трех стилей, да и на фоне новой русской поэзии в целом язык Кантемира мог, вероятно, производить впечатление если не стилистической какофонии, то неупорядоченности. Реформа русского стиха тоже не способствовала лучшему усвоению особенностей его поэтики. А. С. Пушкин в черновых набросках плана статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».²³ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика остался непререкаемым, но новая русская литература усвоила жанр, а поэтический стиль остался свидетельством эстетических исканий Петровской эпохи, порождением которой он и был.

²² См.: Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1990.

²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 495.